

Из книги

Борис Солоневич. Молодежь и ГПУ. София, 1938 г.

Страница 373 и далее

Я оглянулся... Десятки напряженных лиц с широко раскрытыми глазами, не отрываясь, смотрели на поднятую вверх голову старика с невидящими глазами, и всем чудилось, что он, этот слепой монах, видит там, вверху, то, что недоступно нам, жалким песчинкам мирового хаоса...

И в необычайной тишине тюремной клетки простые, бесхитростные слова молитвы старика четко разносились по всем углам и, как мне казалось, вливались в раскрытое сердце каждого из нас...

Тусклая лампочка оставляла в полумраке ободранные стены нашей камеры, через окно на фоне темного переплета решеток виднелось синее летнее небо, и слабые лучи лунного света мягко серебрили голову коленопреклоненного монаха...

Петька-Шкет, лихой жулик и бесшабашный вор, стоял у стены, опершись на одно колено, не замечая, что одна рука его так и осталась протянутой в воздухе, и с напряженным, замершим лицом слушал слова молитвы старика.

И на его глазах, глазах юноши, выросшего без ласки матери и уюта дома, видевшего в жизни только брань, побои, тюрьмы и голод, затравленного, как дикий волчонок, -- на его глазах стояли слезы, скатываясь по щекам... Но он не замечал этого.

Для него, как и для остальных беспризорников, детей, раздавленных безжалостной колесницей социализма, это была первая молитва, которую они слышали в своей исковерканной жизни...

Перевернулась еще одна страница моей истории

-- Солоневич здесь?

Я отозвался.

-- Прочтите и распишитесь, -- надзиратель протянул мне бумажку.

"Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ" ... Сердце у меня екнуло. Как-то решилась моя судьба?

... "Постановили: заменить гр. Солоневичу, Б. Л. заключение в концлагере ссылкой в Сибирь..."

Фу... Слава Тебе, Господи!

В памяти почему-то, как мгновенное видение пронеслась величественная картина Соловецкого монастыря и одновременно почувствовалось громадное облегчение -- возвращаться не придется. Соловки твердо ушли в прошлое.

Впереди -- Сибирь, суровая страна ссылки. Ну, что-ж! Посмотрим, какова-то она будет мне, эта Сибирь.

-- А когда отправят?

-- Вот, цельный этап наберут -- тогда и отправят, -- устало буркнул тюремщик, принимая бумажку.

-- А скоро?

-- В свое время. Ни раньше, ни позже...

"Черви-козырь" Борьба без вздоха, а не вздох без борьбы.

Методы організації

В далекия мирныя времена какой-то купец сибиряк построил невдалеке от Томска, у реки Томь громадную паровую мельницу. Потом по этим местам прошли валы гражданских войны, Ленинский лозунг -- "экспроприруй экспроприаторов" дал свои ядовитые плоды, и в результате громадное здание было полуразрушено. Окна, рамы, двери были сломаны, все имущество было растащено, и только многотонныя чугунныя станины от больших машин в нижнем этаже до конца противились разгрому.

В 1924-28 годах "ликвидацию безпризорников" взяло на себя ОГПУ, и во главе этой ликвидации стал сам Дзержинский со своими "железными мерами".

Этими "мерами" -- разстрелами, раскулачиванием, тюрьмами, лагерями создавались кадры безпризорников.... Эти же меры, по мнению инициаторов, должны были прекратить это больное явление. Одной рукой ОГПУ создавало безпризорность, другой -- ликвидировало ее...

"У попа была собака"...

Были созданы Болшевская, Люберецкая, 35 Орловская Трудкоммуны ОГПУ, где начата была "перековка малолетних правонарушителей". Перековка шла

по штампам ОГПУ, и для того, кто не подходил к этим штампам, с чекистской гостеприимностью разступалась мать сыра-земля...

В 1928 году Московскому ОГПУ пришло в голову создать Коммуну и в далекой Томской губернии, и здание старой мельницы было намечено под это новое "воспитательное учреждение".

Организация была до крайности проста. Из Москвы прибыло несколько эшелонов с безпризорниками. Больше тысячи "живых песчинок" было выброшено из этапных вагонов и направлено под конвоем на мельницу.

Была холодная сибирская осень. Сотни полураздетых ребят в возрасте от 12 до 20 лет были предоставлены самим себе. Им были даны в помощь несколько воспитателей из числа ссыльных, пилы, топоры, кое-какие материалы и сказано:

-- Вот вам дом -- устраивайтесь, как знаете...

Дороги, ведущие от мельницы к городу и деревням, были оцеплены патрулями ОГПУ, и "Томская Трудкоммуна ОГПУ" на бумаге стала числиться существующей.

Летом 1929 года, когда я был из Томска переброшен в Коммуну, как "специалист по пенитенциарии", старые знакомцы по моим вольным и невольным путешествиям по России рассказывали мне, как пришлось им пережить первую зиму существования Коммуны. С ними поступили по большевизму: или -- или. Или делайте так, как приказывают, или погибайте...

35* История возникновения Люберецкой Коммуны послужила (в переделанном на большевизский лад тоне) темой для нашумевшего по всему миру фильма - "Путевка в жизнь". Я жил в этой Коммуне, знаю ее героев и когда-нибудь опишу эту историю в значительно менее идиллических тонах.

Много недель прошло, пока ребята смогли своими руками, без сил, умения и руководства, отремонтировать себе под общежитие один этаж громадной мельницы. И суровой сибирской зимой, когда ртуть сползала ниже 50, оборванные, голодные дети проводили свои ночи на полу громадных зал мельницы, греясь у разведенных на цементном полу костров...

Многие пытались бежать. Из них большинство было поймано или пристроено. Несколько старших ребят рассказывали мне, что из тысячи брошенных в это гиблое место "коммунаров" в первую же зиму умерло не

менее 300. Судя по тому, что я сам видел и знаю о жизни таких Трудкоммун, я считаю эту цифру близкой к действительности.

Но кто когда-нибудь сможет точно узнать правду о страшных цифрах отсева ГПУ'ской "перековки"?..

Радостныя воспоминанія

Осматривая Коммуну, я встретил там нескольких старых знакомых по тюрьмам, этапам и лагерям. Как-то утром я посетил и темный пожарный сарай, где стояла бочка с водой, небольшая моторная помпа и несколько багров.

Длинный костлявый парень сидел, согнувшись, у входа и чинил рваный пожарный рукав. Разглядев меня, он удивленно свистнул:

-- Вот это да!.. Товарищ Солоневич!.. Гора с горой не сходится, а соловчане или на этом, или на том свете обязательно встретятся...

Очевидно, на моем лице было написано тщетное стараніе вспомнить, где я встречал этого пожарника, ибо последній укоризненно добавил:

-- Эх, товарищ Солоневич! Стыдно так старых друзей забывать... А я-то так хорошо нацеливался вам финку под седьмое ребро сунуть...

-- Ну и рекомендація!..

Парень осклабился.

-- Да уж не хуже других каких... А, признаться, мы здорово повздорили с вами. Разве-ж тюремный двор в Питере забыли? Да драку насчет попа?

-- И вы там были?

-- Ну, как же! Я аккурат сбоку заходил, что-б под ваш кулак не попасться!

На лице пожарника было написано столько неподдельной радости от встречи, и историю с финкой и моим ребром он рассказал так беззлобно, что я рассмеялся и пожал протянутую руку.

-- Да мы потом и еще встречались... На Соловках... Оно, конечно, я с морды малость с тех пор попорченный. (Он указал на свой переломленный нос.) Это прикладом меня в этапе саданули... Однако, вы, верно, вспомните: я в музыкантской команде был. В тромбон бухал. Меня "Черви-Козырь" звать...

Теперь я вспомнил "Черви-Козыря" -- профессора карманного дела и страстного картежника, не без шулерских талантов

-- Ну, как видно, вспомнил?.. А оно и верно -- подался я сильно. Оно, конечно, -- годы какие! Это все равно, как в Севастопольской обороне... Я читал -- год за десять считался... Так и у нас...

-- А как вы здесь очутились?

Черви-Козырь осклабился опять. В это время в сарай вошел низенький, согнутый человек в кожанной тужурке.

-- Что, опять разговорчики завел? -- с какой-то свистящей ядовитостью спросил он. Черви-Козырь приподнялся, и благодушное выражение его лица разом сменила плохо скрытая мрачность и враждебность.

Чекист

На фуражке вошедшего была звезда, а на боку висел наган. Он мягкими, словно кошачьими, шагами обошел сарай и сделал несколько замечаний. Пожарник угрюмо шел за ним.

Когда они снова подошли к выходу, я разглядел чекиста более ясно. Это был еще молодой еврей со впалыми щеками и лихорадочно блестящими глазами. Эти черные, глубоко впавшие глаза постоянно бегали с места на место, и он не смотрел в глаза собеседнику. Бледные губы постоянно кривились в какой-то злорадной усмешечке. Голова и щека часто подергивались каким-то странными судорожным движением.

Чекист оглянул неприветливым взором и меня и сделал пожарнику несколько замечаний о сарае.

-- Этак придется тебе, Черви-Козырь, опять, пожалуй, комариков подкормить, -- закончил он свои выговоры.

-- Дак за что же, товарищ комендант? -- с беспокойством спросил пожарник.

-- А за то, что-б ты поласковой рожу делал, когда начальство встречаешь! -- хмыкнул чекист. -- А вам, т. Солоневич, -- ведь вы Солоневич?

Я кивнул головой.

-- Ну да, я вас по Томску знал... Так вам я бы не советовал с такой сволочью знаться!

-- Да мы еще по Соловкам приятели!...

-- Ну, ну, здесь выискивайте себе приятелей поосмотрительней. А то неравно в грязное дело вляпаетесь. Я по хорошему говорю... пока. -- В голосе чекиста слышались и предостережение, и угроза.

Когда он вышел из сарая, я с удивлением увидел, как исказилось от ненависти лицо Черви-Козыря. Он оскалил зубы, как непокорный щенок, припертый в угол сильным противником, но не желающий сдаться.

-- Что это у вас на него зуб такой?

Пожарник не сразу ответил. Взор его еще несколько секунд был прикован к двери, за которой скрылся комендант. Потом он встряхнул головой.

-- У-у-уу, сволочь, гад ползучий!... -- пробормотал он... -- Да разве-ж вы не знаете?

-- Я вчера только прибыл.

-- Это наш комендант, Геллер. Он и на Соловках был. Сколько он там душ загубил!.. И не счесть. И как его только земля держит?

-- А здесь он тоже зверствует?

-- Тут разстреливать ему мало ходу. Раньше он в Болшеве был. Там ему раздолья больше было...

-- Но это ведь образцовая коммуна... Иностранцев возят...

-- Во... во... Иностранцев! -- презрительно искривил рот Черви-Козырь. -- Им что в глотку не положишь -- все проглотят. Им, может, и кажется, что там лафа, а не жизнь... А разве-ж кто видит, как там пружины закручены? Ведь там как чуть что -- так шлпка. Не только побег, а даже отлучка больше 3 дней -- и каюк... Поэтому и держится все...

Ну, так вот там Геллер и отличался. Только потом его выставили, потому невозможно иностранцам показывать -- рожа больно противная -- веревки просит. У них у всех, палачей этих, вроде как следы на морде остаются. Помните Новикова в Соловках?.. Аж собаки убежали... Уж если человек в крови выкупается -- так словно след какой-то на лице... Бог гада метит! А вы не слышали, что он тут со мной зимой сделал?

-- Нет...

"Исправительные методы"

-- А дело такое было. Вам, верно, рассказывали, как мы тут зимой жили?.. Скот в хлевах, верно, лучше... Мерли, как мухи. Работать - инструмента не хватало, материалов. Тоска... Ребята, прямо сказать, совсем опупели. Бежать - никакая сила. А тут -- голод, да холод... Двое просто повесились от такой жизни. Ну, а остальные с горя в карты резались... Оно, конечно, вам, может,

интеллигентным, можно чем и другим заняться. А куда нашему брату! Одно и удовольствие в очко игрануть. Ребята облюбовали сарай тот вот, видите. Заберутся туда компашкой и кроют в двадцать одно.

Оно, конечно, по правилам -- нельзя. Так вот, вызвал меня поздно вечером Геллер. А я здесь вроде пожарника. Одного солдата взял, выкатили мы бочку с сарая, приготовили машину. А мне и невдомек, куда это... А потом подкатили тихо к дверям, где ребята резались. Мне -- наган в нос. "Молчи и машину наладь, что-б воду дала. Ежели станет машина -- саботаж; значит, пуля в башку". А дело в мороз было. Все аж трещало...

Ребята в сарае нарезали еловых веток, натаскали сена, достали фонарик и кроют. Вроде, как свое логово. Не этая коммуна, что-б ее. Человек их с двадцать было. А комендант, значит, приказал солдату стать с кишкой в дверь и ну поливать их водой. Стоит тот в дверях, никого не пускает и знай себе, льет. Я машину правлю, а сердце так и мучается. А этот жидюга хохочет... Ух...

Лицо Черви-Козыря все перекошилось, словно он сам попал под струю ледяной воды.

-- А ребята, сами знаете, как одеты. Рванье. Шкура видна. Ну и что-ж. Как прибежали они все потом в общежитие, так прямо сосульки. Платье резать пришлось, потому все обледенело... Ну, что дальше-то и говорить? Результат ясный. Половина в ящик сыграло... Оно, конечно, какие у нас тут ящики? -- гробы, то-есть... Просто яма...

А вы, вот, спрашиваете, почему злоба. Да тут рад бы ему все кишки выпустить, да на его поганую рожу наvertеть...

Лютая ненависть чувствовалась в голосе старого вора.

Мститель

Как-то недели через две, когда я был дежурным по столовой, ко мне подошел один из приятелей. Он начал разговор о чем-то маловажном и, когда около нас никого не было, сказал шепотом:

-- Вас, дядя Боб, Черви-Козырь просит зайти.

-- А где он?

-- На дежурстве у речки.

Поздно вечером, когда кончилось мое дежурство, я поплелся на болото. Под одной из копен сидел Черви-Козырь на собранном хворосте и, видимо, был очень обрадован моим приходом.

-- А чего же вы совсем в стог не забрались? И тепло и комары не долезут...

-- Да ну их к чёрту... Сено ведь совсем гнилое... Сколько лет, может, стоит... Да и потом -- проверка пройдет -- еще два наряда дополнительно дадут... А вы, т. Солоневич, спички принесли? "Баран" сказал?

-- Принес...

-- Ну вот, и ладно... Я вас тогда ужином угощу.

Черви-Козырь покопался в стогу и вытащил оттуда зайца.

-- Вот это здорово.. Откуда?

-- Ну мы, старые урканы, и в огне не тонем, и в воде не горим!... А силки на что?... Тут этих зайцо`в видимо-невидимо... Потому -- охоты нет. Чекистам время нет, у них по другой дичи с наганов стрельба. А у крестьян -откуда?... Ружей-то ведь советская власть боится хуже чумы...

Часа через два, когда заяц был съеден, пожарник начал:

-- Дело у меня к вам серьезное, т. Солоневич... Без вас мне ни чхнуть, ни плюнуть... Я уж вам прямо скажу, потому вы не стукач. Смываться мне пора...

-- На волю захотелось?

-- Это как сказать... Трудкоммуны для меня вроде пріюта. Тут лучше всего скрываться, ежели за кормой нечисто. Притопаешь вот в такое гиблое место и сейчас же к начальнику ГПУ. Так, мол, и так. Раскаялся в доску... Примите... Какой же им расчет не принять? Ведь даровая сила... Вот у нас тут лыжная мастерская будет, да потом, говорят, и сапожная... Опять же ссыльных наберут. А там и спецов всяких есть... Ну и заработать, значит, можно на даровой силе.

-- Ну, это все понятно... Но почему вам в трудкоммунах скрываться?

Черви-Козырь пристально посмотрел на меня. При слабом свете нашего маленького костра я опять заметил, как его лицо сжалось в какой-то гримасе.

-- Да как... Долги плачу с процентами.

-- Кому это?

-- Да, вот, всем своим благодетелям... За все -- за жизнь исковерканную, за чухотку свою, за нос перебитый, за товарищей своих... За все плачу!... Уже есть "революционные заслуги"... Ну, да это не к делу. Таких, как я -- с памятью, -- везде хватает. Помните, может, Митьку с Одессы, безпалаго, который Соловки оседлал?.. Тоже не забывает. Слухи были, что Новикова он все-таки подстерег... Ну, да вы сами, т. Солоневич, знаете, что с такими не целуются... А теперь я, значит, к вам за помощью... Вы там по городу часто ходите, во все дырки можете влезть. Достаньте мне лаку, что артисты употребляют...

-- Ага... -- понял я. -- Бороду приклеить?

-- Ну да... Не впервой. Таким стариком заделаюсь, что никакой пост ни по чем не догадается... А потом, там за Тайгой*, на главной магистрали -это уже пустяк. Там в каждом кармане документ есть. Только выбирай...

-- А когда думаете бежать?

-- Да скоро... Вот, дельце одно есть... Незаконченное...

36* Железнодорожная станция.

Маленький эпизод большой борьбы

Через неделю после этого разговора, по случаю какого-то революционного праздника у нас, в Трудкоммуне, состоялся торжественный митинг. В верхней зале мельницы были собраны коммунары и гости. С речами выступали представители всяких организаций: Горкома, Горисполкома, Наробраза и, конечно, отдела ГПУ. Говорилось о "перековке", воспитании, исправлении, о том, что труд в СССР "дело чести, дело славы, дело доблести и героизма". Были призывы "поднять производительность труда", под испытанным руководством дзержинцев-чекистов идти вперед к светлому будущему коммунизма, исправлять ошибки "старого проклятого прошлого", ну и прочее.

В едва освещенном зале сидело около тысячи безпризорников и воров и по привычке молчаливо слушало речи. Потом жидко спели "Интернационал" и стали расходиться.

Гостей усадили на повозки, и лошади тронулись. Я направился в каптерку посмотреть на раскладку продуктов на следующий день. Насчет арифметики коммунары были слабы...

Минут через 10 откуда-то донеслись крики. Потом в комнату вбежал "Баран".

-- Т. Солоневич, идите туда... Убили кого-то...

Невдалеке, у конюшни собралась кучка ребят. Когда я подбегал к ней, там чиркнула спичка, и до моего слуха донеслись слова:

-- Ага... Одним гадом меньше!...

-- Вот это правильно!

-- Собаке собачья смерть!...

При моем приближении несколько ребят нырнули в темноту. Остальные раступились, но узнав меня, опять надвинулись тесной стеной. Внизу на земле лежал и придушенно хрипел какой-то человек.

-- Кто это? -- спросил я.

Из кучки коммунаров мрачно и тихо ответили:

-- Комендант...

Вдали послышались новые голоса. С электрическими фонариками бежали охранники.

-- Эй, разойдитесь... Кто тут?

Часть беспризорников беззвучно растаяла в темноте. Остальные отодвинулись, словно отступили за стену мрака, окружавшую освещенное фонариками тело.

-- А это кто?... Ах, это вы, Солоневич!.. Кого тут угробили?

-- Коменданта...

Раздались испуганные восклицания. Двое охранников побежали к Начальнику Коммуны, старому заслуженному чекисту, получившему этот пост "за выслугу лет".

С оставшимися двумя мы перевернули коменданта на спину. Он был еще жив. На смертельно бледном лице с широко открытыми глазами судорожно пробегали гримасы боли и злобы. На сжатых губах выступали пузырьки кровавой пены. В боку торчала рукоятка глубоко всаженного финского ножа.

Раненый глухо стонал и пытался что-то сказать, но с его губ срывалось только невнятное бормотание.

-- Вот, пуцай начальник придет, -- тихо сказал охранник. -- Он еще, может, сумеет сказать, кто это его саданул... И наган обрезали, сволочи...

Я стоял на коленях около раненого, и в мозгу со страшной ясностью и быстротой мелькали догадки... Почему-то сразу вспомнилось напряженное, полное ненависти лицо Черви-Козыря, его рассказы о коменданте, его "неоконченное дельце"... Потом мой взор упал на рукоятку ножа. Нож торчал как раз под седьмым ребром... и в п р а в о й половине груди. Как раз так мог бы ударить только левша...

И в памяти молнией пронеслась картина, как недавно у стога Черви-Козырь л е в о й рукой зажигал спичку...

Раненый опять забормотал. Охранники осветили его лицо. Комендант почти беззвучно шевелил губами. Видно было, что он хочет что-то сказать. Порой слоги вырывались почти ясно.

У парадных дверей дома послышался шум, и появился свет больших фонарей. Охранники поднялись для встречи начальства, и я с раненым остались в тени. Надо было помешать ему говорить...

Незаметным движением я взялся за рукоятку глубоко всаженного ножа и потянул его из раны.

Мне казалось, что я вижу, как освободились, прижатые сталью ножа, разрезанные кровеносные сосуды, как из зияющих отверстий ключем стала бить горячая кровь, как стремительным потоком стала она заполнять полость легких, как в предсмертном томлении бешено застучало сердце, как судорожно сжались мускулы груди в тщетной попытке глотнуть свежего воздуха в наполненные кровью легкия...

Дыхание раненого превратилось в хрип и свист. Потом в горле что-то забулькало...

Когда над комендантом склонился Начальник Коммуны, глаза раненого были вытаращены в тщетных усилиях вздохнуть, а по лицу изо рта текли тонкия струйки пузырящейся крови.

-- Геллер! -- вскрикнул Начальник. -- Кто это тебя? А?

Комендант судорожно дернул головой, но вместо слов из его раскрывшегося рта вылилась широкая струя крови.

-- Ну, тут дело чисто сработано! -- спокойно сказал, поднимаясь, старый чекист. -- Вот сволочи! Видать, всю финку вогнали. Ладно... Попомним!..

Коменданта понесли в дом.

-- Вы ему, т. Солоневич, перевязку сделайте. А я пока в отдел позвоню...

Цена чекистской головы

В тот же день начались массовые аресты. Более сотни коммунаров было посажено в подвал городского ГПУ. Десятеро из них не вернулись... На языке чекистов это называлось "актом классовой мести"...

Как я потом узнал, Черви-Козырь в этот вечер и ночь официально был "на комарах". В течение следующих дней он старательно избегал меня и, только когда я украдкой сунул ему бутылку с лаком, он многозначительно и крепко пожал мне руку.

"Летучий голландец"

Недели через две несколько старых коммунаров, в том числе и "Баран", прибежали с реки с известием, что Черви-Козырь утонул при купаньи... Были посланы лодки, но тела пожарника не нашли. Одежда его пошла в каптерку, а сам он был вычеркнут из списков Трудкоммуны.

Я уверен, что ему удалось сбежать. Если это так, то немало "воспитателей по методам ОГПУ" укоротят свою "многополезную деятельность" при его содействии...

Ибо в душе современного подсоветского молодняка крепко вклинился закон -- "Око за око, зуб за зуб"... А если удастся, то и "челюсть за зуб"...

Юноша-палач

Под прессом

Как-то поздно вечером я со своим приятелем, Мишкой Крутых, возвращались с купанья в реке Томь. Мы только что выдержали горячий футбольный матч, хорошо выкупались и бодрые и веселые возвращались в город.

Поднимаясь от реки по узенькой улочке, мы встретили этап, направлявшийся из тюрьмы к пристани, а оттуда, как и всегда, в Нарым.

Для советской жизни этап этот ничем не был примечателен. Сотни две оборванных понурых людей с котомками и узелками брели под понуканиями солдат... Сзади толпы ехало несколько подвод со старухами и маленькими детьми. Обыкновенная картина! Сколько раз и мне самому приходилось брести точно в таких же этапах.

Когда мимо нас медленно проезжали подводы с детишками, Мишка вздрогнул и тихо сказал:

-- Сволочи!

Я понял, что это слово никак не относится к ссыльным. Круглое широкое лицо Мишки, типичного русского "добра-молодца" из народных песен, омрачилось, и он нервно передернул плечами. Я не без удивления поглядел на его нахмуренное лицо.

-- Так чего же ты, Мишка, в комсомол влип?

Мишка считался одним из активистов-комсомольцев и был даже секретарем городского Совета Физической Культуры. Что за странная реакция?

-- Как это "чего"? -- переспросил он.

-- Да вот, чудака-человек, в комсомол. Красноармейцы, которые этап гонят, ведь, верно, твои же ребята из комсомола?

-- Да я этапов еще не гонял.

-- Ну, а прикажут -- погонишь!

Мишка промолчал.

-- Да ты скажи, Мишка, я ведь парень свой, на кой черт ты с комсомолом спутался? Ведь погонят раскулачивать или этап гнать -- ведь не выкрутишься! Свой своему -- поневоле брат.

-- Ну, а что-ж, Солоневич, делать-то? -- мрачно пробурчал сибиряк. -Надо же как-то наверх вылезать. Свиной пасти -- тоже не густое занятие. Тебе хорошо - ты парень интеллигентный. Ты везде как-то пристроишься. А куда мне? Я, вот, думал через СФК в Москву путевку получить, в Инфизкульт*... Это дело все-таки чище других. Чинить, а не калечить людей придется. Да ведь без комсомольского билета, язви его, душу, разве-ж куда поберешься?

37*- Институт физической культуры.

-- А как насчет этапов, если прикажут?

-- Да черт его знает -- все норовят выкрутиться. Может, и я выкручусь! Думаешь, кому радостно на эти картинки смотреть? Это ведь наш же пролетариат, наши, может, и чалдоны, которые испокон веку где по займам мирно жили... А теперь вот -- "классовые враги"...

Мишка судорожно кашлянул и плюнул.

-- Вот ты, Солоневич, вроде как в осуждение сказал о комсомоле. Ну, а что другое? Самому идти в этап, что-ль? Думаешь, легко против машины переть?.. Ты вот счастливчик, что адмссильный... Да, да, ты не смейся!.. Верно

слово... Тебе, притворяться не надо. Контр-революционерщик и баста. Тебе, брат, не ставят вопросов -- ты за кого: за троцкистов, али за сталинцев или там про какую оппозицию, едри их корень... И насчет энтузиазму тебе, брат, не обязательно... И нам?.. Аж нутро, бывает, выворачивается. А ни хрена не сделаешь... Аппарат, паря, такой аппарат, что лбом не прошибешь... Ну, и изворачивается всякой, как умеет...

Не мытьем, так катаньем

-- Эй, Солоневич, слыхал новость? -- сказал мне как-то наш правый край, маленькій быстроногий рабфаковец Кузнецов -- "Динамо"-то*, сволочи, Мишку к себе взяло.

38* "Динамо" -- спортивное общество ГПУ.

-- Как взяло? Неужели он пошел туда?

-- Да, кажись, не переманило, а просто мобилизовало. Горком комсомола постановил направить его на работу в ГПУ. Как чекист, конечно, наш Мишка - как с навоза пуля, но опять же футболист аховый... Может, раньше и предлагали по хорошему. Но, видать, Мишка заупрямился -- ну, и мобилизнули... Вот сво-ло-о-очи...

Болен!

Недели через две я получил распоряжение от СФК быть судьей очередного футбольного матча на первенство города. Оказалось -- "Динамо" должно было играть с "желдором".

Народу на стадионе было тысячи три. Любят футбол в СССР, и крепко любят. Любят по п о л и т и ч е с к и м причинам, или, может быть, правильнее сказать, по а п о л и т и ч е с к и м. Футбол -- самое доступное, самое оживленное зрелище, к которому никак не прицепишь принудительного ассортимента советской пропаганды. Эти привески есть везде: и в музыке, и в парадах, и в кино, и в театрах. Даже на матчах бокса всегда найдется "предварительный оратор", который будет рассказывать перед началом о том, как-де в Америке линчуют негров после их матчей с белыми; если негр победил -- линчуют из злобы, если побежден -- от избытка радостных чувств.

По моему свистку обе команды вышли на поле, но в "Динамо" Мишки Крутых не было. В перерыве я спросил о Мишке у капитана "Динамо", помкоманданта ГПУ, латыша Петерсона. Тот угрюмо покосился на меня:

-- А вам на что?

-- Да приятели!.. Да и потом -- ваша линия хавов, ясно, без него -слаба!..

Латыш досадливо сморщился и уронил:

-- Болен Крутых...

Мандат

Через неделю меня вызвал к себе Предоткомхоз*, зампред СФК.

39* Председатель отдела коммунального хозяйства.

-- Слышите-ка, Солоневич. Вот "Динамо" просит прислать какого понимающего человека насчет стрелкового тира. Они там строить хотят. Так они и из Осоавиахима, и от СФК представителей вызывают. А у нас понимающих ребят нет... Пойдите-ка, вы! Кумекаете в этом?

-- Да...

-- Ну, вот и хорошо... А что вы адмссильный -- это ничего. Я вам от СФК бумажку дам, что как специалист.... А раз спец -- тут уж не до паспорта. Абы дело было.

Чекистскія шуточки

Дежурным по комендатуре был Петерсон. Он хмуро рассмотрел мой мандат и молча выписал пропуск.

-- А куда теперь?

-- В подвал, -- буркнул латыш. При неожиданном слове "подвал" неприятно дрогнули нервы, словно ржавым гвоздем провели по мокрому стеклу.

-- В подвал? -- переспросил я.

-- Угу... Там комиссія уже собравшись... Тир там будут строить...

Потом, словно догадавшись, что эта тема может быть выгодной для шутки, латыш криво ухмыльнулся.

-- Не трусьте, т. Солоневич. На этот раз оттуда на своих ногах выйдете.

Там, где ставят к стенке

Большой полутемный подвал метров около 30. Группа представителей почти вся здесь. Начальник отдела ГПУ, низенький расторопный чекист Мальцев, бегаёт, покрикивает и суетится. Он как-то не производит впечатления начальника: шутит, балагурит и фамильярничает. Если бы я не знал его

"подвигов" подвального типа, да не его подленькая улыбочка, -- можно было бы подумать: "рубаха-парень".

Я представляюсь ему, как представитель СФК.

-- Ладно, ладно, -- отмахивается он, направляясь дальше. А потом, словно вспомнив:

-- Да вы ведь адмссильный?

-- Да.

-- Ну, вот и хорошо... Картинка очинно даже для вас пользительная. -- И Мальцев широко ухмыляется, оскаливая желтые зубы. Глаза его совсем превращаются в щелочки.

-- Почему полезно?

-- Для проветриванья мозгов... Да и что-б не забывать кой-чего!.. Тут у нас есть слабонервный один. Знакомый ваш. -- Крутых!.. Эй, Крутых!..

Из кучки людей вышел Мишка.

-- Есть, товарищ Начальник...

-- Ага, вот футболисты наши... Ха-ха-ха!.. Поразскажь-ка Солоневичу, как это из этого подвала святые души на крылышках на тот свет уносятся... Ха-ха-ха... Вона под той стенкой, где мишени будут стоять. Крутых, тут тебе, вот, самая тренировочка будет... С тебя покеда стрелок и чекист хренова-а-атый... Тренировка, бра-тишечка, тренировка самое важнецкое дело!..

И веселый чекист побежал дальше.

Но мы ни о чем не разговаривали.

—

Недели через три-четыре я поздно вечером возвращался к себе домой. В городе было совсем темно. Окраинные улицы тонули в грязи, и я с трудом осторожно шел по узеньким деревянным мосткам у покосившихся заборов.

Навстречу мне, пошатываясь, тяжело шлепал по лужам высокой, коренастый человек. Видя, что он и на узких досочках троттуара не тверд, я отступил в сторону, чтобы дать ему дорогу.

Что-то бормоча пьяным языком, человек прошел мимо, но потом внезапно обернулся...

-- Солоневич, ты?

Я узнал Мишку Крутых. Он облапил меня и стал сердечно целовать, обдавая водочным перегаром.

Я хотел отвязаться от него и уйти, но Мишка взял меня под руку.

-- Да ты не уходи, Солоневич... Не вороти морды... Думаешь -- чекист, сукин сын, ангидрит его перекинь марганца... Думаешь -- в крови замаран Мишка... Палач!.. Душегубец!..

Сквозь пьяные нотки его голоса прозвучала глубокая боль человеческой души.

-- Не плитуй, Солоневич... погоди. Тут, вот, скамеечка под забором... Посидим... Да ты не смотри, что я пьяный... Потому, брат, и пью, что душа просит.

-- Так ты же раньше не пил, Мишка!

-- Так то раньше!.. -- Голос комсомольца словно взорвался в истерике. -- Раньше я, брат, человеком был... И думал, человеком и останусь... А вот, братишка, чекистом сделали... У меня все изболело, а они смеются... Гады ползучие... Помнишь, Мальцев этот?.. Знаешь, как он людей-то разстреливает?.. Не сразу... А с шуточками, прибаутками, со смешками... О-о-о-о-о!..

-- И тебя заставили? -- тихо спросил я.

Мишка повернул свое лицо ко мне, и его широко открытые глаза с каким-то странно пустым выражением застыли на мне. Несколько секунд он молчал.

-- Разстреливал, браток... Заставили... Помнишь, тогда, как "Динамо" в первый раз играло, -- как раз накануне и пришлось... Оттого-то я играть и не смог... В лежку лежал... Пьяный... Ежели-б не водка -- сам себя порешил бы... Заставили... Куда денешься?.. Комсомолец -- чекист, говорят... Д о л ж о н... Вот в том подвале... С автомобильными фонарями...

Мишка почти бредил. Он впился пальцами в мою руку и говорил, как во сне:

-- Поставили... Высокой такой, борода, видать, седая, седая... Спиной стоял он... Руки сзади веревкой связаны и только дрожат, дрожат... А Мальцев смеется: "Ну-ка, Мишенька... сдай крещение... По живой человеческой падали первый выстрел твой... Потеряй невинность свою, Мишенька, а то ненароком и сам туда встанешь"... А остальные смеются. Собрались, как в театр. И наган уже в руке... Седая голова дрожит впереди...

Комсомолец рассказывал эту историю с таким реализмом, что я невольно вздрагивал. А он все сильнее и сильнее сжимал мою руку и продолжал медленно напряженным голосом:

-- А мальцевские глаза так и сверлят, так и жгут... "Плюнь, говорит, в него, Мишенька, пролетарским свинцом!.. Бахни, Мишенька... Ну-ка, согни пальчик!" У-у... Змея... Не знаю... Убей меня Бог, не знаю, как рука поднялась. Как во сне было. А потом откуда-то голос дошел: "Ничего, ничего, Мишенька! Мы добьем. Спервоначально оно никогда чисто не выходит. Молодец, паря!" И опять выстрелы...

Голос комсомольца прервался каким-то судорожным глухим рыданием. Он схватил себя за голову и пробормотал.

-- У-у-у... Гады! Иуды проклятые! Душу мою искровянили! -- И внезапно сорвавшись со скамейки, он бросился от меня, слепо шагая по лужам и грязи.

Я остался сидеть, подавленный трагичностью его рассказа и своим бессилием.

—

Больше Мишу Крутых я никогда не видел. На мои вопросы о его судьбе динамовцы отмалчивались.

Перековка

"Мы, дети страшных лет России,

Забывать не в силах ничего"...

В один из суровых дней, когда мороз был ниже 50 градусов и дышать колющим ледяным воздухом можно было только сквозь шерстяную рукавицу, я встретил киевлянина Ледю. Он был в меховой шапке, сапогах из оленьего меха, с небритым измученным лицом:

-- Как это вас сюда занесло?

-- Да, вот, из Турухана... Два года там отбыл...

-- Далеко на севере?

-- У чорта на куличках... Полторы тысячи километров... В тундре... Там только одни якуты со своими оленями. Привезли, выгрузили и бросили -- живи, как знаешь. На мое счастье, в том кочевье еще один ссыльный был, священник из Харькова -- он помог мне. А то хоть ложись под чумом и подымай...

-- Чем же вы там занимались?

Высланная казачья семья. Сотни тысяч семейств крестьян и казаков привозили на далекий север и выбрасывали на произвол судьбы...

-- Да, вот, вместе с батей помогали якутам этим с оленями возиться, да охотиться... Да еще грамоте пытались учить и медициной заниматься... Ну, дядя Боб, и доисторическая же жизнь там!.. Верите ли, больше года мыла не видал...

-- А из молодежи там никого не встречали?

-- Была одна девушка, кажется, скаут из Крыма... Но верстах в 300, да я тогда и не знал...

-- Не знаете, что с ней?

-- Чекист, который меня вез сюда, говорил, что умерла: туберкулез. Еще бы! С юга девушка, лет, кажется, 16-17... В полярной дыре, да без питания...

Я рассказал Леде свои новости. Он печально покачал головой.

-- Ну, ну, не думал я, что ребят так здорово давнут... По Киеву, кажется, человек около 20 арестовали... Но кого куда выперли -- право не знаю... Вот, жду Лиду, она, может быть, знает...

-- А она приедет сюда?

-- Да я же, дядя Боб, женился на ней! Покорила она мое сердце веселостью своей, да задором... Да, вот, около года только прожил семьей...

-- Ну, так вам нечего Бога гневить... А я, вот, только месяцев что-то четыре или пять...

-- Как? -- просиял Ледея. -- Вы тоже женились?

-- Был такой грех, Ледея. За меня наша Ирина имела несчастье выйти замуж.

-- Вот это здорово! -- искренно обрадовался Ледея. -- Подходящая пара... Но почему же "несчастье"?

Я посмотрел на него и невесело улыбнулся...

-- Да... да... -- понял он. -- Паршивая наша судьба... Да и девчат наших -- тоже... Эх, что и говорить, попались мы в переделку, дядя Боб!.. Ну, конечно же, вы правы были тогда, после похорон знамени... Нам-то уж жизнь на что ясней доказала -- нужно быть или с ними, или против них... С ними -- с души воротит. Значит -- против... Так вот и выходит: из какой-нибудь сотни молодежи штук 5-6 на их сторону становятся, а остальные так или иначе против. Некоторые пассивно -- вроде тихаго саботажа, а другие покрепче... А

сколько молодежи в тюрьмах! Да и постреливают ребята здорово... Чем их теперь напугаешь?.. Всякие антисоветские группировки, как грибы, растут. Их вылавливают, а они опять.

-- А у вас, Ледя, аполитичность совсем выветрилась?

Лицо Леди, когда-то приветливое и юное, уже покрылось морщинами раздумья и горечи. Казалось, что за эти 3-4 года он возмужал и переменялся совершенно...

-- Да, это уж что и говорить!.. Этак, пропуская молодежь через тюремный фильтр, ГПУ хоро-о-оших себе врагов готовит! Да все "классовыми врагами" и зовутся. А ведь, по существу, сама система себе же врагов везде создает... Ох, и будет же когда-нибудь взрыв! Сколько горючего материала в душе каждого... Сейчас много не размахнешься -- очень уж жмет все вокруг. Но что потом будет!.. Ведь не забудут ничего!..

-- Значит, встретимся, так сказать, на баррикадах?

Ледя не улыбнулся.

-- Да что-ж... Придется, если доживем.. Но и то верно: боевой народ -наши русаки. Вот говорили -- мягкая натура, славяне. А ведь никак не сдаются! Везде бой идет -- в каждой деревне, в городе, даже в лагерях... И нет мира нигде... Эх, какой же я дурак был, что стрелять не учился. Да, как следует... Тьфу, дьявольщина! Уж чему, чему, а этому делу теперь в первую очередь учиться нужно... Да вот, все думали -- "обойдется".... "Моя хата с краю"... -- Ну, я то, хоть -- мне что -- я щенок был... А как, вот, вы, Борис Лукьяныч, не сказали нам насчет винтов?.. О том, что против большевиков к а ж д ы й должен брать винтовку -- каждый скаут... А герли и волчата -- патроны подносить... Если не хотят потом в безпризорниках бегать... Эх!.. 395

Глава VII

Прицел взят

Решай

Карательная политика ОГПУ не любит шутить. Ея конвейер не любит легко разставаться со своими жертвами. Всякие законы о гуманности советского правосудия -- это, конечно, только слова на бумаге. А бумага, как общеизвестно, гнется под любыми дуновениями капризов владык...

И теперь в СССР есть люди, которые, по существу, не выходят ни на час из конвеера советской машины наказания. Тюрма сменяется лагерем, лагерь - ссылкой, ссылка -- высылкой, а потом все начинается сызнова. Много таких "классовых врагов", не выходящих на свободу, встречал я на своем советском пути. В большинстве случаев, это все священники и белые офицеры.

Мне лично "по штату" полагалось провести 5 лет в Соловках, потом столько же в ссылке (то-есть по назначению ГПУ) и потом еще 3 очистительных года в высылке. Всякими правдами и (значительно больше) неправдами мне удалось сократить все эти сроки, как без труда (но надеюсь не без удовольствия) могут высчитать мои читатели.

Осень 1930 года застала меня в милой Салтыковке -- подмосковной местности, где жил мой брат. Я очутился там проездом, следуя из ссылки в высылку: из Сибири -- в город Орел. Более 4 лет не видался я с родными, и даже сознание того, что через несколько часов нужно ехать дальше, не омрачало радости встречи. Если уж Соловки и Сибирь были в прошлом, - казалось, все худшее -- сзади.

Целый вечер рассказывал я о своих приключениях и переживаниях. Было здесь и смешное, и трагичное, и трогательное, и страшное. 396

Брат молча курил папиросу за папиросой и задумчиво качал головой.

-- Ну, и к какому ты выводу пришел после всего этого? -- неожиданно спросил он меня в конце моих рассказов.

Я не нашелся сразу, что ответить.

-- О чем это?

-- Да вот, о советской действительности?

-- Да какой же может быть иной, кроме самого пессимистического!

-- Ну, слава Богу -- значит, и твой оптимизм дал, наконец, трещину.

-- Ну, уж сразу и трещину... Оптимизм -- это не политический анализ, а, так сказать, точка зрения на мир. Но, вот, насчет "новой жизни" и соц-строительства -- последние надежды, действительно, ушли безвозвратно... Нашей русской молодежи нет места в этой стране.

-- Только вашей, как ты говоришь, непокорной молодежи нет места? А другим -- мирно и сладко живется? Неужели, по твоему, кто-нибудь выиграл во всей этой идиотской истории, именуемой пролетарской революцией?

-- Ну, чекисты, по крайней мере, выиграли.

-- Во всяком государстве есть палачи, и им, как правило, сытно живется. И той сволочи, на которой держится советская власть и для которой жизнь и слезы человеческия -- песок под ногами, -- им тоже кое-как живется!..

Относительно, конечно. В старину дворник жил много лучше и, главное, спокойнее, чем какой-нибудь нынешний предисполкома... И вот, собралась такая шайка ни перед чем не останавливающихся людей, связала каждого взаимной поручкой пролитой вместе крови и творит эксперименты...

В голосе брата слышалась сдержанная злоба.

-- Так что же, по твоему, перебить эту сволочь?

-- Поздно уже. Надо было раньше... Да не сумели. Сперва деликатничали, а потом не так взялись за борьбу. А теперь уже поздно -- аппарат власти в их руках. Мы голыми руками ничего не сделаем.

-- Так что же: faire bonne mine au mauvais jeu?

-- Ну, это уже к чорту! А выход, по моему мнению простой -- если тебе, как ты сам говоришь, нет места в этой стране, давай уйдем в другую!

-- Драпать за-границу?

-- Ну, конечно... Не гнить же здесь, бессильно сжимая кулаки, и еще притворяться "энтузіастом соціалістической стройки"... Вот, возьми -сколько хороших ребят хотело быть полезными стране... Этак по хорошему. Вот, и скауты, и сокола -- да мало ли кто еще хотел быть просто русским, просто полезным Россіи. Но ведь, как ни работай, все равно все это идет на пользу міровой революціи и советской шайке... Вот, возьми себя: Сколько ты уже в сумме отсидел -- годиков с 5? Ну, хорошо -- ты: от тебя запах контрреволюціи за версту слышен. А твои скауты -- эти тысячи молодых голов, арестованных тогда вместе с тобой? А тысячи и тысячи других -- там в лагерях?... А на воле - какое у них будущее -- соціалістического раба?...

Брат нервно закурил новую папиросу.

-- Ты сам должен понимать, Боб, что без тебя бежать я не мог. А теперь... теперь -- пора.

-- Погоди, погоди, Ваня... Уж очень это все для меня оглушительно. Я, пожалуй, уже даже отвык от широкого взгляда на жизнь... Вся борьба была направлена на то, как бы словчиться, чтобы хоть сегодня-завтра быть живым и сытым. Дай толком оглядеться, да очухаться. За все эти годы я видал

советскую жизнь только с оборотной стороны. Со стороны изнанки. Дай немного посмотреть на нее и с другой стороны. Ведь трудно же так молниеносно решать вопрос только с индивидуальной точки зрения...

-- Ну, что-ж... Присмотрись, Боб, присмотрись... -- серьезно ответил брат. -- В твоём выводе я уверен. И решай. Пока есть молодость и силы - нужно бежать. Только там, вне этой тюрьмы, мы, действительно, сможем широко бороться с большевизмом и его ядовитым туманом. А здесь -- мы на учете, и на плохом учете. Помочь мы здесь уже ничем не можем. Эта иллюзия лопнула. Нам в советских условиях можно теперь быть либо рабами, либо погонщиками рабов. Третьяго не дано. А мы ни для того, ни для другого не приспособлены...

Орел

Маленький городок у границы с Украиной. Кругом -- черноземные поля. К югу эти поля идут до Черного моря. Еще недавно, до революции, эти поля кормили до сыта не только всю Россию, но давали хлеб и Европе. Теперь эти поля покрыты редкими посевами, худыми и тощими, поросшими бурьяном. Кое-где кучей ржавого железа стоят в поле брошенные трактора.

Поздней осенью из-под снега сиротливо торчат необруанные скирды хлеба... А голод держит своими цепкими руками и город, и деревню.

Крестьянство разбито, обезсилено и разорено "коллективизацией". Насильно созданные, неорганизованные, лишенные своих лучших хозяев - "кулаков", разстрелянных или высланных на север, -- колхозы не могут накормить досыта страну.

Как?

Частенько здесь, в эмиграции, друзья и знакомые с интересом спрашивают меня: "Ну, а как вы питались в Советской России?"

Щадя в гостиных и столовых общий аппетит и настроение, я обычно стараюсь ускользнуть от ответов на этот вопрос. Ведь разве можно честно, без замалчивания, объяснить "приличному обществу", как изворачивался в голодной жизни здоровый парень с бронебойным аппетитом и без "буржуазных предрассудков?"

Не раз на настойчивые расспросы радушных хозяев я сообщал, что мне, собственно, пришлось быт с ы т ы м в советские годы только в 1917 году на Кубани и что с тех пор я не голодал только два коротких периода в моей жизни -- около года в период НЭП'а (1925-1926 г.г.) и месяца два -- в

концлагере, перед самым побегом за границу, когда я накапливал силы самыми смелыми и рискованными путями. Все же остальное время это постоянное полуголодное существование, постоянная нехватка даже черного хлеба, не говоря уже о всяких полузабытых вещах, как масло, мясо, сахар...

Как я выглядел в 1933 году -- в период питания воронами. Вес был около 80 кило (теперь -- 94). За плечами -- стив фотоаппарата. На мне морской бушлат, выдачи 1923 года.